

«Мягкая сила» с жесткими последствиями

Косачев К.И.,

кандидат юридических наук,
Председатель Комитета по международным делам Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации

Анализ причин, мотивов, действующих сил и факторов так называемых цветных революций последнего времени подтверждает наличие целенаправленного внешнего влияния с помощью невиданного ранее инструментария, который чаще всего принято обозначать термином «мягкая сила». Что это за термин и что это за сила, по сути, превращающая политические процессы (смена власти) в геополитические (смена идеологической, военной, экономической и иной ориентации)?

Понятие «мягкая сила» вошло в международный и, соответственно, в российский политологический лексикон сравнительно недавно (термин нынешнего века). Автор концепции «мягкой силы» (soft power) американский политолог Джозеф Най определяет ее как «способность получать желаемое при помощи привлекательности, а не силы или денег»¹. Таким образом, речь идет не о том, чтобы *вынудить* другого действовать в твоих интересах (в том числе, порой, против собственных интересов), но чтобы *побудить* к добровольной поддержке твоих действий, как отвечающих его собственным интересам, *убедить* в пользу ориентации на тебя.

Для Наия понятие «soft power» включает и влияние (influence), и привлекательность (attractive power), то есть и своего рода активный (политика), и пассивный (образ страны) элементы. Это важно для понимания составляющих «мягкой силы», которая не может быть сведена, например, к пропагандистским усилиям или количественному наращиванию информационного присутствия, но и не ограничивается исключительно статичным имиджем государства.

В российскую политическую и политологическую практику и теорию концепция «мягкой силы» системно вошла в 2011–2013 гг., прежде всего как результат анализа действий тех держав, которые наиболее активно применяли этот инструмент в своей внешней политике, добиваясь порой весьма заметных результатов. В частности, в статье В.В. Путина «Россия и меняющийся мир» «мягкая сила» определялась как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информа-

ционных и других рычагов воздействия». «В мире сегодня много “агентов влияния” крупных государств, блоков, корпораций, — пишет Путин. — Когда они выступают открыто — это просто одна из форм цивилизованного лоббизма. У России тоже есть такие институты — Россотрудничество, фонд “Русский мир”, наши ведущие университеты, расширяющие поиск талантливых абитуриентов за рубежом».

В статье была дана трезвая и объективная оценка текущего положения дела в этой сфере: «Надо признать, что успехов здесь у нас немного. На информационном поле нас часто переигрывают. Это отдельный многоплановый вопрос, которым предстоит заняться всерьез <...> Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский»².

¹ Най Д. Мягкая сила и европейско-американские отношения. URL: http://www.intelros.ru/2007/08/09/mjagkaja_sila_i_evropejskoamerikanskije_otnoshenija.html

² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html>

В утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 325-10 Государственной программе «Внешнестроительная деятельность» в качестве самостоятельной подпрограммы № 3 вошел документ под названием: «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию», который во многом являлся своего рода «дорожной картой» реализации отечественного потенциала «мягкой силы» на целом ряде направлений.

В свое время компания «Эрнст энд Янг» совместно с московским Институтом исследования быстроразвивающихся рынков Сколково подготовили интересное исследование о так называемом индексе мягкой силы в отношении быстрорастущих рынков³.

Среди критериев оценки, например, ранг национальных компаний в рейтинге репутации журнала «Fortune», показатели миграционных и туристических потоков, верховенства закона, знания английского среди населения, выбросов CO₂, число граждан страны в мировой сотне влиятельных персон мира, по версии журнала «Time», статус национальных вузов в рейтинге Times Higher Education, число олимпийских медалей...

На довольно высокие позиции России в рейтинге повлияли, по мнению его составителей, такие факторы, как туризм и олимпийские медали, но более всего — миграция, в первую очередь, конечно же, из стран СНГ. По данным ООН Россия с 11 млн иностранцев занимает 2-е место в мире по этому показателю после США, опережая Германию, Великобританию и Францию⁴.

Привлекательность для мигрантов, обернувшаяся в последние годы серьезной проблемой и даже проверкой на прочность для Евросоюза, является тем не менее важнейшим фактором «мягкой силы» любого государства. Это, кстати, соответствует и выводу Ная: «Иммиграция не сокращает, а, наоборот, преумножает “жесткую” и “мягкую” силу». Политолог цитирует в связи с этим слова автора сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, который, по словам Ная, «приходит к выводу, что Китай не превзойдет Америку как ведущую державу XXI века, ссылаясь на способность Соединенных Штатов привлекать лучшие, блестящие умы из других стран и встраивать их в многообразную культуру творчества. Огромное население Китая дает возможность довольствоваться внутренними ресурсами, но, с точки зрения Ли Куан Ю, самодостаточность китайцев не позволяет им конкурировать в креативности с Соединенными Штатами, которые в

состоянии задействовать человеческие ресурсы всего мира»⁵.

Вместе с тем следует признать, что ни у одного государства или группы государств нет монополии на «мягкую силу». Хотя фактически долгое время предполагалось обратное: что никто в мире еще долго не сможет бросить вызов притягательной силе коллективного Запада с его материальным, технологическим, социальным и гуманитарным отрывом от остального мира. Собственно, именно этот аргумент каждый раз выдвигается любому государству и любой политической силе, не входящим в состав Запада и не ориентирующимся на него, как только они начинают говорить о собственной «мягкой силе» как о возможном факторе влияния на другие государства и народы. Почти всегда можно услышать в ответ: обеспечьте своим гражданам уровень жизни, технологий, развитости политических институтов и защищенности прав человека, как на Западе, и тогда, дескать, можете говорить о своей привлекательности в мире или хотя бы в регионе. А пока этого нет, состязаться в «мягкой силе» с Западом бесполезно. Этот аргумент является центральным, в частности, и для российской либеральной оппозиции, которая выдвигает его каждый раз в дискуссиях с представителями власти.

Разумеется, возражать что-то на тезисы из серии «лучше быть богатым и счастливым, чем бедным и несчастным» — довольно бесперспективное занятие. Как и оспаривать очевидный факт, что развитие страны выглядят привлекательнее развивающихся. Потому и представить себе, в частности, обратный миграционный тренд из Евросоюза в Сирию или в Ирак почти невозможно.

Впрочем — почти невозможно не означает совсем невозможно. Потому что, как ни странно, обратная миграция все же существует. И уже стала «головной болью» для тех же европейских государств, когда они вдруг осознали, что их молодежь поехала воевать за идеалы террористического «Исламского государства». Все тот же Най признал еще в 2009 г., что, в частности, идеи бен Ладена многим людям в определенном регионе мира кажутся весьма привлекательными: «Его умение обращаться с “мягкой силой” не вызывает сомнений. Именно ею он воспользовался, чтобы обрушить башни-близнецы Всемирного торгового центра. Никому из пилотов-смертников он не держал пистолет у виска, не сулил денег. Они решились на это лишь потому, что он увлек их своей харизмой и взглядом на мир»⁶.

Надо ли вспоминать в этой связи, что до определенного периода мощнейшей притягательной силой обладали коммунистические идеи, оказавшие серьезнейшее влияние на весь мир, на вза-

³ URL: http://emergingmarkets.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf

⁴ URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf

⁵ Най Д. Будущее американской власти. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2011/2745>

⁶ URL: http://www.profile.ru/items_29124

имотношения труда и капитала на Западе и на формирование там крепких левых сил? Во многом результатом уже второй волны советского глобального влияния оказалось крушение мировой системы колониализма и возникновение десятков новых независимых государств на планете — еще одна важная причина, по которой даже современная постсоветская Россия по-прежнему находится на подозрении у Запада как потенциальный «возмутитель спокойствия» во всем западном мире. Если, например, в более могущественном сегодня Китае видят исключительно экономического и — потенциально — военного конкурента или оппонента, то от России все еще ожидают идей, которые могут смутить умы на самом Западе.

Не случайно, например, недавно заговорили о «путинизации Польши», хотя, казалось бы, трудно представить себе где-либо в Европе более полярные настроения по отношению к России и ее лидеру, чем у нового польского руководства. И тем не менее именно эти обвинения в адрес властей и политиков Польши (как ранее Венгрии, Чехии и ряда других европейских государств) подтверждают, что для либерального «ядра» Европы гораздо опаснее симпатий к самой России представляются симпатии к ее идеям, находящим отклик в Европе. В этом контексте ситуация уже не выглядит как «Россия против Европы», как изображают ее оппоненты Москвы, а Россия де-факто является частью и полноправным участником внутриевропейской дискуссии, в которой либеральный консенсус неожиданно, через четверть века после ожидавшегося «конца истории» оказался под угрозой.

Если возвращаться к урокам «холодной войны», отметил бы тот факт, что Запад отнюдь не случайно при первой же возможности постарался избавиться от весьма прочно «прилепленного» ему советской системой пропаганды империалистического «ярлыка», искусно трансформировав ситуацию в намного более выгодный имидж защитника прав и свобод человека от авторитаризма и диктатур. По сути, Запад на рубеже столетий присвоил себе роль, весьма похожую на ту, которую играл СССР в XX в.: защитника прав угнетенных людей и народов — соответственно, от «диктаторов» и «империалистов».

В процессе этой трансформации Запада «из Савла в Павла» все заметнее стала проявляться тенденция к упрощению и схематизации глобальных процессов в интерпретации западных теоретиков по аналогии с теорией классовой борьбы, при помощи которой их советские коллеги объясняли всю мировую историю и актуальные события. На Западе нашли свою «классовую борьбу» и постарались все происходящее втиснуть в это «прокрустово ложе» новых идеологических догматов. Как отмечают российские эксперты, «неупорядоченное состояние мировой среды,

возникшее в результате эрозии однополярной модели <...> породило запрос на воссоздание квазиидеологической биполярной оппозиции, которая бы расставила все по местам. Именно с этим связано распространение на Западе концепций противостояния в глобальном масштабе “либеральной” и “авторитарной” тенденции. Отсюда тяга к понятным схемам и стремление воссоздать четкую конструкцию, подобную той, что существовала в эпоху “холодной войны”»⁷.

Имиджевые проблемы начали проявляться тогда, когда эта роль стала конфликтовать с объективной реальностью. Когда все более очевидными становились двойные стандарты в подходах к различным ситуациям в других странах, где те же нарушения прав человека со стороны «своих» (то есть — прозападно ориентированных режимов и сил) игнорировались, а проблемы с демократией у оппонентов возводились в ранг: «дальше терпеть нельзя».

Линия поведения США и их союзников в событиях «арабской весны» и на постсоветском пространстве оставляет все меньше места для сомнений в том, что «мягкая сила» Запада, выступавшая в роли активного катализатора государственных переворотов и мятежей, не продвигает некие универсальные демократические ценности, а банально обслуживает групповые интересы самого Запада — геополитические, экономические и т.п.

Постепенно набирает силу и понимание того, что демократические по своему внутреннему устройству государства отнюдь не обязательно выступают сторонниками столь же демократических отношений на международной арене, то есть равенства всех государств вне зависимости от их политсистемы и размеров ВВП, уважения инакомыслия, прав меньшинств, уважения privacy — невмешательства во внутренние дела суверенных государств и т.п. Напротив, фиксирование глобального неравенства, диспропорций в глобальном распределении ресурсов и материальных ценностей становится одной из важнейших внешнеполитических задач Запада, чтобы сохранить его отрыв от остального мира на максимально более долгий срок. «Мягкая сила» Запада на практике угнетает любые альтернативы в мире, заставляя потенциальных конкурентов чувствовать себя априори ущербными по сравнению с высокоразвитой частью цивилизации и, как следствие, отдавать ей заведомое первенство и правоту в международных делах. А «жесткая сила» начинает выступать в роли охранителя этой ситуации, пресекающего любые попытки самоорганизации международного сообщества на иных, многополярных — или, точнее, полицентричных — основах.

⁷ Соловьев Э. Российско-американские отношения и окончание эпохи однополярности // Современный мир и геополитика / отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Канон+, 2015. С. 295.

Именно поэтому, в частности, теория «мягкой силы» в последние годы подверглась некоторому уточнению, что нашло свое отражение в концепции «умной силы» — способности объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии⁸. В интересной трактовке руководителя китайского Института международных проблем университета Цинхуа Янь Сюэтуна, комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу», но это не сумма, а *произведение* двух компонентов. То есть при утрате либо «мягкой», либо «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю. «Мягкую силу» Янь определяет как «способность государства к политической мобилизации внутри и вовне» — это способность использовать материальные ресурсы, но сама по себе материальным ресурсом она не является.

В любом случае рассчитывать исключительно на привлекательность страны или ее ценностей сегодня не приходится — иначе бы, например, не включались раз от разу такие инструменты, как экономические санкции, которые сегодня применяют не только к отдельным политикам, но и, по сути, к населению целых государств и регионов. Переход коллективного Запада к языку силы, грубого экономического давления (по сути — финансово-технологического шантажа) и демонстративное укрепление инфраструктуры НАТО в Европе показывают, что ресурсы «мягкой силы» оказались недостаточными для достижения собственных целей, а привлекательность и непогрешимость Запада более не выглядят бесспорными для людей даже на самом Западе. «Мы успешнее, значит — мы правы», стало видоизменяться на «мы сильнее, значит — мы правы».

Однако это вовсе не означает, что в мире наступил ренессанс «жесткой силы». Даже тогда, когда гремят пушки, не прекращается битва за умы. Более того: в XXI столетии мы вдруг столкнулись с невероятной реидеологизацией международных отношений. Идеи «единственно верных» учений и религий, разговоры о национальной исключительности, рейтингование народов, «экспорт революций» и т.п. — все это постоянно фигурирует в речах политиков и в аналитике. И всем нужны высокие мотивы для обоснования даже самых неприглядных и жестоких действий. Если в прошлые столетия достаточно было сказать «иду на вы!», то сегодня императивом является действие не в своекорыстном национальном интересе, а ради общего блага и во имя привлекательных гуманистических идей.

Не случайно почти все конфликты новейшего времени пытаются представить в качестве ценностных, будь то косовский, грузинский, укра-

инский, сирийский и др. Ведь одно дело — столкновение геополитических или экономических интересов, и совсем другое — противодействие «правильных» ценностей «неправильным». Фактически — заведомого добра заведомому злу.

Именно поэтому, в частности, в ход идут мощнейшие кампании по дискредитации политических оппонентов, переход на личности стал практически нормой, а сравнения с отрицательными фигурами прошлого (Гитлер, Геббельс, Муссолини, Пиночет, Пол Пот) — обычное дело уже не только в газетных фельетонах, но и в устах ведущих политиков. Все это должно убедить, прежде всего, собственное население: под угрозой наши ценности, наш образ жизни, все святое для нас, потому что нам противостоит заведомое зло, к которому неприменимы человеческие и правовые нормы, в отношении которого нет места жалости, справедливости и уважению его интересов.

Эта сознательная дегуманизация геополитических оппонентов оправдывает любые силовые и неправовые действия по отношению к ним: надо ли жалеть тех, кто чуть ли ни генетически не способен принять наши ценности и противостоит им цивилизационно, а не ситуационно? По сути, мы имеем дело с проявлениями новой формы расизма, основанного не на цвете кожи или принадлежности к расе, но на отношении к либеральным ценностям: государства и народы выстроены по степени приближенности к восприятию «единственно верного учения».

Подмена состоит в том, что любое сопротивление реальной *политике* выдается за неприятие *ценностей*. Так, несогласие России с расширением НАТО представляют как страх перед тем, что нашу страну будут окружать демократии. Возмущение прозападными переворотами в соседних государствах выдается за борьбу с идеями свободы и независимости. Указания на реальные трагические плоды насильственной смены лидеров на Ближнем Востоке при прямом вмешательстве Запада считают желанием поддержать диктаторов и т.п. и т.д.

При этом несомненным успехом западной стратегии «мягкой силы» стало формирование в умах многих людей на постсоветском пространстве прочной связи между вполне естественным стремлением к позитивным реформам в собственных странах (преодоление коррупции, укрепление демократических институтов, защита прав и свобод) с якобы неизбежной ориентацией на Запад и его институты. Люди выходили на «евромайдан» (само появление «евро-» в этом термине через 10 лет после первого «майдана» — ярчайший пример этого идеологического успеха), чтобы бороться за соглашение об ассоциации с ЕС, которого подавляющее большинство борющихся даже в глаза не видело. Оно было готово

⁸ Най-мл. Д. «Умная сила» Барака Обамы. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Umnaya-sila-Baraka-Obamy>

жертвовать историческим прошлым и экономическим настоящим ради того образа, который им искусственно создали в качестве геополитической «приманки», облекая ее в привлекательные ценностные формы.

Именно на это были нацелены усилия «мягкой силы» Запада на протяжении всего периода независимости постсоветских государств — сформировать у людей устойчивое представление о некоей *геополитической обреченности* на евроатлантическую интеграцию. Здесь также зазвучали очень похожие на советские мессианские нотки по поводу того, что вставшие на «правильный» путь развития народы воплотят некое неизбежное будущее всего человечества, построят у себя самый прогрессивный строй в истории нашей цивилизации и т.п. Более двух десятков лет на постсоветском пространстве прицельно применялось выборочное финансирование институтов гражданского общества, СМИ, экспертных сообществ с прозападной политической и идеологической ориентацией, оказывалось мощнейшее информационное и культурное воздействие. Любые социально и политически значимые внутренние проблемы бывших республик СССР (коррупция, бедность, кумовство, неразвитость демократических институтов) использовались для продвижения идеи о единственно возможном пути их решения через интеграцию в евро-атлантические структуры, а не через нейтральный национально-ориентированный путь развития. Ограничение государственного суверенитета вследствие заключений соглашений о глубокой ассоциации с более мощным Евросоюзом пропагандистски представлялись как путь к достижению реальной независимости. Давались заведомо невыполнимые обещания полноценного членства в ЕС и резкого подъема уровня жизни, быстрого преодоления глубоких общественных проблем после и вследствие выбора «правильной» геополитической ориентации.

Даже радикальные националистические силы, которые в самих странах Западной Европы находятся под бдительным надзором государства и общества, в бывших советских республиках поддерживались в той мере, в какой их национализм был ориентирован на евроинтеграцию и на разрыв традиционных связей с Россией. Требования «реформ» со стороны западных политических и финансовых институтов нередко оборачивались лишением национальных государственного и хозяйственного механизмов необходимого иммунитета к внешним воздействиям. «Борьба с коррупцией» и с «представителями старых коммунистических элит» становится инструментом устранения нежелательных внешне сил политиков и дискредитации не только пророссийских, но и национально-ориентированных сил.

В пропаганду необходимой геополитической ориентации политиков, СМИ, институтов гражданского общества вкладывались огромные средства, что не отрицается сегодня самими представителями государственных структур Запада. Задействовались аффилированные с государством фонды и институты, представляемые в качестве «независимых» и сугубо благотворительных, включался весь массив доминирующих мировых и региональных СМИ. Меняющиеся под этим мощным внешним давлением рейтинги и статистики общественного мнения в пользу «европейских ценностей» (а на деле — геополитической интеграции в западные структуры, опирающейся на массовые ожидания быстрого благополучия) представлялись в качестве «свободного выбора» народа, которому не имеют права препятствовать собственные власти и «третьи стороны».

Подобные практики сегодня все активнее берутся на вооружение ввиду того, что, во-первых, эта сфера дает заведомые преимущества экономически более развитым, политически более влиятельным и обладающим более мощными информационными и техническими ресурсами мировым и региональным силам. И, во-вторых, это позволяет действовать без формального нарушения норм международного права, поскольку сфера «мягкой силы» пока не получила должного международно-правового регулирования, даже если результаты ее воздействия оказываются чрезвычайно «жесткими»: насильственная смена власти, гражданская война, присоединение к военным альянсам и т.п. При том, что ответные действия законных правительств по защите своего суверенитета очень часто могут объективно квалифицироваться как нарушение тех или иных внутренних или международных норм. Ведь фиксирование «непропорционального применения силы к протестующим» — вопрос чаще не реальных фактов, а их медийных интерпретаций и политически пристрастных оценок.

Не случайно с жестким сопротивлением со стороны Запада сталкиваются инициативы с осуждением такого рода практик. В частности, в 2015 г. западные делегации на сессиях Межпарламентского союза всеми силами блокировали проект российской резолюции, осуждающей вмешательство во внутренние дела суверенных независимых государств, как и практики давления на другие государства.

Очевидно, что в основе их позиции — сохранившаяся со времен «холодной войны» логика «сфер влияния», в которой менее развитые независимые государства представляются исключительно в виде объектов соперничества, подлежащих непременно вовлечению под собственный контроль. Участие таких государств в иных интеграционных структурах рассматрива-

ется как вызов и стратегическая потеря в соответствии с представлениями об «игре с нулевой суммой».

Но, как представляется, пришло время дать правовую оценку такого рода действиям и выработать нормы, блокирующие вмешательство в дела других государств формально не силовыми средствами по признакам целенаправленного воздействия на политическую систему и геополитическую переориентацию в пользу другого государства.

Ответственность за внешние и внутренние конфликты и их жертвы должны нести только непосредственные участники, но и те, кто способствовал воцарению и умножению хаоса, инспирировал перевороты и «мирные» революции с очевидным внешним акцентом, вводил санкции, используя привилегированное положение на рынках и в международных финансово-экономических структурах, а также преимущества в доступе к глобальным СМИ. В их число входят и все те, кто нанес существенный экономический, политический, моральный ущерб отношениям между народами, внося в них вражду и дискредитируя одни народы в глазах других, призывая к выставлению исторических счетов, к осуждению современных народов и властей за деяния прошлого.

Как говорил философ И.А. Ильин, «каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой. Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций»⁹. Признание за каждым народом права на культурную, политическую и идеологическую самобытность — одна из фундаментальных основ существования человеческой цивилизации. Любая другая логика таит в себе зерна будущих конфликтов и идеи национального, расового, идеологического или системного превосходства.

Сегодня уже многим очевидно, что сложившаяся де-факто после «холодной войны» однополярная система оказалась авторитарной — с ярко выраженным центром и ущемленной в правах и ресурсах периферией. Сопrotивление этой системе и несогласие с ней — вовсе не угроза оптимальному международному порядку, не «ревиизионизм» ущемленных, а естественная реакция мира на этот глобальный авторитаризм — по сути, именно демократическая революция. «Цветная», если угодно. Будет ли она исключительно мирной, зависит в большей степени от того, какие формы сопротивления изберет доминирующий ныне Запад. И тот факт, что входящие в него страны являются демократическими по *внутреннему* устройству, отнюдь не гарантирует ненасильственности предстоящих изменений.

При этом «цветные революции» в отдельных государствах в глобальном измерении (а в условиях глобализации иного измерения уже практически не осталось) выглядят уже не как бунт против Системы, а как инструменты продвижения самой Системы. Собственно, именно поэтому и возникает столько сомнений в стихийности «ненасильственных переворотов», в частности на постсоветском пространстве, начинающихся как «спонтанный протест масс против авторитаризма и коррупции», но заканчивающихся одним и тем же: геополитической переориентацией очередной страны на Запад и тем самым ее вкладом в укрепление однополярной модели мира.

Вне всякого сомнения, реальные достижения государств Америки и Европы в развитии демократии, социальных и политических систем, защите свобод и прав человека достойны распространения и — *mutatis mutandis* — использования в национальных системах других государств. Однако превращение объективных цивилизационных достижений в политическое средство для продвижения своего влияния и интересов конкретной группой государств не только обрачивается проблемами для этих государств, но и дискредитирует сами достижения и ценности, которые они поднимают на своих «флагах».

⁹ Ильин И.А. О государственной форме (1948 г.). URL: http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_gosforma.php